

КАКОЙ МУЧИТЕЛЬНЫЙ ИНОГДА ЧЕЛОВЕК ДОСТОЕВСКИЙ...

Неизвестные страницы из Дневника А.Е.Штакеншнейдер¹

Имя Елены Андреевны Штакеншнейдер тесно связано с историей русской литературы и общественной жизни России прошлого века. Она была хозяйкой знаменитого петербургского литературно-музыкального салона, задуманного еще в середине 1850-х годов ее отцом – известным петербургским архитектором Андреем Ивановичем Штакеншнейдером, создателем Мариинского дворца и других замечательных зданий в Петербурге и Петергофе, профессором Академии художеств.

В его обширном доме на Миллионной с уютными гостиными, помпейской залой и даже модным в то время зимним садом собирались художники, артисты, философы, общественные деятели, сановники, студенты... Здесь бывали писатели и поэты – Аполлон Майков, Яков Полонский, Дмитрий Аверкиев, Константин Случевский, Михаил Михайлов, Алексей Потехин, Гончаров, Писемский, Помяловский, Страхов, Гаршин...

Достоевский впервые появился в этом доме в начале 1860-х годов, вскоре после возвращения из Сибири, но особенно часто стал бывать у Штакеншнейдеров в 1879 – 1880 годах, стараясь не пропускать их субботник вечера и «вторники», принимал участие и в любительских спектаклях, и в литературных чтениях.

В его записных книжках приведены все адреса, по которым жили Штакеншнейдеры после смерти отца, продолжая окружать себя всем тем, что было лучшего в мире искусства и литературы. А в последние годы, когда они поселились на Знаменской, Достоевский любил, выходя на прогулку из своего дома в Кузнечном, зайти к ним просто так, «на минутку» и засиживался до глубокой ночи.

¹ Литературная газета. 2.Х.1996. № 40 (5622). С. 6.

По словам А.Г.Достоевской, «Федор Михайлович очень уважал и любил Елену Андреевну Штакеншнейдер за ее неизменную доброту...». Он особенно ценил ее недюжинный ум, наблюдательность, доброжелательный интерес к людям. «Нуждаюсь во всем Вашем человеколюбии и разумном снисхождении к людям», - писал он ей в одном из своих писем. И Елена Андреевна относилась к Достоевскому с особым вниманием и чуткостью. Для нее он был не только великим писателем, но и учителем жизни.

В мемуарной литературе встречается немало страниц, посвященных семье Штакеншнейдеров. Посещения Достоевским их гостеприимного дома описаны и А.Г.Достоевской в ее «Воспоминаниях», и в книге В.Микулич «Встреча со знаменитостью» (М., 1903), и в недавно опубликованных нами воспоминаниях ее племянника А.Эйснера («Знамя», № 11, 1991). Но более всего они отражены в Дневнике Е.А.Штакеншнейдер и в ее начатых в 1884 году и неоконченных воспоминаниях о Достоевском, выпущенных в 1934 году издательством “Academia”: Е.А. Штакеншнейдер. Дневник и Записки (1854 – 1886). Редакционная статья и комментарии И.Н.Розанова.

Розанов отметил, что не все тетради Дневника и Записок Елены Андреевны дошли до исследователей, что в «Голосе минувшего», где они стали появляться в 1916 году, были опубликованы лишь «выдержки из них».

Необходимо было искать архив Штакеншнейдеров, чьи потомки очень ответственно и бережно относились ко всему, что связано с их домом, их родственным окружением и знаменитыми гостями. Еще в 1930-е годы немало семейных реликвий было передано в Государственный литературный музей славным историографом семьи Штакеншнейдеров Галиной Павловной Эйснер (сестра Елены Андреевны Ольга вышла замуж за Эйснера). И с нею, и с сестрой Машей (в замужестве Поповой) Достоевский был дружен. Их имена часто упоминаются в его переписке с Еленой Андреевной.

Маша сумела сохранить часть обстановки той гостиной в доме Штакеншнейдеров, где Достоевский читал еще неопубликованные страницы «Братьев Карамазовых». Ныне ее можно увидеть в Омске в Литературном музее имени Ф.М.Достоевского.

Немало для поисков и спасения семейных реликвий Штакеншнейдеров, сроднившихся с известными в России фамилиями, было сделано летописцем семейства Натальей Борисовной Мешковой-Малиновской.

О документах из архива Штакеншнейдеров, приобретенных Государственным литературным музеем в 1930-е годы, В.Д. Бонч-Бреувич, его основатель, писал Наталье Владимировне Штакеншнейдер в 1937 году, желая присоединить хранящиеся у нее материалы к фонду Штакеншнейдеров, беспокоясь о том, чтобы они не исчезли безвозвратно. Еще в 1933 году она писала ему, что у нее имеется историко-литературный материал 1850-1880-х годов, принадлежавший ее тетке Е.А.Штакеншнейдер.

Письмо пришло из Харькова. С Изюмским уездом Харьковской губернии были связаны братья Штакеншнейдеры – Адриан и Владимир. Адриан, которого Достоевский называл своим «дорогим сотрудником» (он советовался с ним, когда создавал в «Братьях Карамазовых» сцены, посвященные следствию и суду над Митей Карамазовым) служил прокурором изюмского окружного суда. «Большой практик», - говорил о нем Достоевский. Отец Натальи Владимировны также служил по судебной части при харьковском акцизном управлении. И с ним, встречаясь в Петербурге, Достоевский консультировался по юридическим вопросам. В Изюмском уезде, в Каменке, любила бывать и подолгу гостила и Елена Андреевна.

Каменка была родовым именем Ивана Васильевича Малиновского, старшего сына Василия Федоровича Малиновского, первого директора Царскосельского лицея.

Адриан и Владимир Штакеншнейдеры были женаты на родных сестрах – дочерях Ивана Малиновского, лицейского товарища Пушкина (И Софье Ивановне, жене Адриана, когда она жила у Штакеншнейдеров, Достоевский не забывал посылать в письмах к Елене Андреевне «душевные поклоны».)

Елена Андреевна приглашала в Каменку – «на натуру» - и Ф.М. Достоевского, когда он говорил с нею о продолжении «Братьев Карамазовых». Там жили «ссылные старого времени» - бывший декабрист барон Андрей Розен, женатый на Анне Малиновской, последовавшей за ним в Сибирь, Мария Малиновская, за которой ухаживал Пушкин, вышедшая

замуж за любимого лицейского товарища Пушкина Владимира Вольховского.

Наталья Владимировна, собиравшаяся сама заняться изучением архива Елены Андреевны, не успела передать его в Москву. Но она сумела сохранить в Харькове в годы Великой Отечественной войны некоторые семейные реликвии. Эрмитажу она передала живописный портрет В.Ф.Малиновского, а Московскому музею Достоевского подарила фотографию писателя с надписью «Боре Штакеншнейдеру от Ф.М.Достоевского 4 мая / 80», рассказав, что фотография была вручена ее брату в день рождения, когда Федор Михайлович пришел навестить их родителей – Владимира Андреевича и Марию Ивановну, рожденную Малиновскую.

Она сохранила и публикуемые ныне машинописные страницы (на «ундервуде») из Дневника Елены Андреевны, о которых сообщала до войны В.Д.Бонч-Бруевичу. Мне удалось обнаружить в его архиве еще одно упоминание о них:

«Дневник» Е.А. на 2-х листах (8 страниц большого формата) 1860-78 гг. о Достоевском, Тургеневе и других писателях... Дневник переписан на пишущей машинке в период издания его «Русским вестником». Подлинник не сохранился, напечатано не было

2 февраля 1934. Борис Осипович Борович. Харьков».

Это одна из тех дневниковых записей Е.А.Штакеншнейдер, на основе которых она начинала писать воспоминания о Достоевском. Так и озаглавлена эта запись – «О Достоевском». Но 1878 год, указанный сверху, не имеет к ней отношения. За этот год не сохранилось ни одной строчки Елены Андреевны. Публикуемая запись сделана в 1879 году, что следует из самого ее содержания: так, «недавнее политическое убийство», о котором говорили в гостиной, произошло в Москве в марте 1879 года; первые знаменитые чтения в пользу Литературного фонда, в которых принимали участие Тургенев, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Полонский, Плещеев и

другие состоялись 9 марта, затем были повторены в пятницу, 16 марта. К Штакеншнейдерам Достоевский пришел 17 марта, на следующий день.

Оба вечера, проходившие в дни, когда И.С. Тургенев был в Петербурге проездом из Парижа, описаны в воспоминаниях многих современников, широко освещались в газетах. Елена Андреевна передает рассказ самого Достоевского об этих вечерах, вызвавших необычайное оживление в обществе.

Чуткая, наблюдательная, хорошо знавшая и понимавшая характер Достоевского, Елена Андреевна почувствовала, что он был чем-то очень расстроен и глубоко обижен 16 марта. «...На этот раз было за что обидеться», - сочувствует она Достоевскому, услышав его рассказ о том, что произошло после только что окончившегося вечера. Полонский, которого с Достоевским связывали многолетние добрые отношения, не пригласил его на свою очередную «пятницу», где Федор Михайлович был постоянным посетителем. Видимо, Достоевский долго не забывал этой обиды. «...Полонский боится пускать нас в одну комнату с Тургеневым», - передает она эти слова Федора Михайловича в своей записи от 10 октября 1880 года, опубликованной в издании 1934 года. Действительно так было или это «"литературная" сплетня, впрочем, весьма похожая на правду», - замечает И. Волгин в книге «Последний год Достоевского», приводя слухи об этой сцене. Рассказ Достоевского, записанный Еленой Андреевной по горячему следу, снимает сомнения в достоверности этого случая, в котором нашли отражение сложные многолетние отношения между Достоевским и Тургеневым. Тем не менее на «пятнице» у Полонского они были оба.

В записи Елены Андреевны примечательно ее наблюдение о том, что в 1879 году Достоевский «без малейшего оттенка недоброжелательства» говорит о Тургеневе, разрыв с которым произошел в 1867 году в Баден-Бадене, когда Достоевский резко высказался о романе «Дым». Ему было неприемлемо «крайнее западничество» автора романа.

Теперь писатели пожали друг другу руки. Дружеским рукопожатием они обменялись и на эстраде, когда вышли вместе, вызванные после чтения восторженной публикой.

Запись Елены Андреевны дает представление о том, что в отношениях между писателями появляется в конце 1870-х годов что-то новое, ведущее к сближению, что проявится затем особенно ярко на Пушкинском празднике в Москве.

Елена Андреевна передает ту радостную интонацию, с какой Достоевский рассказал ей о беседе с Салтыковым-Щедриным 9 марта на первом вечере (на втором его не было). Достоевский читал еще не опубликованную главу из «Братьев Карамазовых» - «Исповедь горячего сердца». Щедрин похвалил и чтение, и роман (публикация его началась в «Русском вестнике» в январе 1879 года). Этот отзыв Щедрина был неизвестен. Характерен такой штрих в рассказе Достоевского, как напоминание Щедрина о несогласии воззрений, чтобы «убедить в искренности» похвалы. Известно, как заботились и Щедрин, и Достоевский о верности направлению, которому каждый служил. Но, как ни остра была их полемика, начавшаяся еще в 1860-е годы, оба никогда не колебались в высокой оценке таланта друг друга.

«Трудный» был гость Достоевский, заметила В. Микулич, познакомившаяся с ним на вечерах у Штакеншнейдеров. Раздражала иных его капризность, подозрительность, сумрачность, обидчивость. Но Елена Андреевна его чрезвычайную обидчивость, все его «выходки невыдержанного ребенка» объясняла его скромностью, неумением ценить себя и сознавать вполне свою духовную силу.

В публикуемой записи, к сожалению, оборванной на полуслове, она рассказывает о гениальном писателе ярко, тонко и с добрым юмором.